



Исмайлова С.Р.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2018.56.183-207

Политзаключенные и правозащитники в уголовном процессе

Аннотация: Резолюция ПАСЕ № 1900(2012) «Определение политического заключенного» не соответствует заявленным целям и не решает декларируемые задачи.

Содержание резолюции противоречиво по сути, политизировано, а предлагаемые инструменты разрешения ситуаций не действенны.

Резолюция ПАСЕ № 1900(2012) является средством вмешательства в дела суверенных государств и не обеспечивает международные документы в области прав и свобод человека.

Ключевые слова: политзаключенные; резолюция ПАСЕ № 1900(2012) «Определение политического заключенного»; правозащитник; уголовный процесс; Европейский суд по правам человека; справедливое судопроизводство.

Условно можно считать, что очередной этап в эпопее дефиниции «политический заключенный» пройден резолюцией ПАСЕ № 1900(2012) «Определение политического заключенного», согласно которой таковым является лицо, лишенное личной свободы в случаях:

«а) если лишение свободы было применено в нарушение одного из основных прав, гарантированных Европейской конвенцией по правам человека (ЕКПЧ) и Протоколами к ней, в частности, свободы мысли, совести

♦ **Исмайлова Севиндж Рауф кызы** - докторант Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор философии права (Азербайджан). E-mail: sevism@rambler.ru



и религии, свободы выражения мнения и информации, а также свободы собраний и объединений;

b) если лишение свободы было применено по явно политическим причинам без связи с каким-либо правонарушением;

c) если по политическим мотивам продолжительность заключения и его условия являются явно несоразмерными по отношению к правонарушению, в котором лицо было признано виновным или подозревается;

d) если по политическим мотивам лицо лишено свободы на дискриминационной по сравнению с другими лицами основе; или

e) если лишение свободы является результатом очевидно несправедливого разбирательства, что, как представляется, связано с политическими мотивами властей» [3].

В пояснительном меморандуме докладчика ПАСЕ г-на Кристофа Штрассера, на основе которого принята резолюция, говорится:

«3. Понятие «политический заключенный» согласно определению независимых экспертов Совета Европы, утвержденному Комитетом по правовым вопросам и правам человека

5. 24 июня 2010 года судья Стефан Трехсель представил свои выводы и выводы своих коллег по поводу определения и критериев термина «политический заключенный» на слушаниях в Комитете по правовым вопросам и правам человека в Страсбурге. В своей работе независимые эксперты опирались на выводы профессора Карла Оге Норгаарда, в то время председателя Европейской Комиссии по правам человека, который был приглашен Советом Безопасности Организации Объединенных Наций для определения «политических заключенных» в Намибии в 1989/90 годах. Ближайший соратник профессора Норгаарда, Эндрю Гротриан, также был одним из экспертов, выступавших на заседании 24 июня. Третьим экспертом на заседании был г-н Хавьер Гомес Бермудес, судья, председатель Уголовной



Палаты, Audiencia Nacional (Испания). После обсуждения с экспертами, Комитет одобрил выводы, содержащиеся в моем предварительном меморандуме, и предложил мне продолжить работу на основании этих объективных критериев.

6. В ходе обсуждения эксперты пришли к договоренности, что лица, осужденные за тяжкие преступления, такие как террористические акты, не могут претендовать на статус «политических заключенных», даже если они действовали «по политическим мотивам». Г-н Гомес Бермудес уточнил, что этот принцип применим в демократических государствах с законными правительствами, где не может быть и речи о «законном сопротивлении», таком, например, как Французское Сопротивление во время Второй мировой войны. Этот аргумент подкрепляется Статьей 17 Европейской Конвенции по правам человека, озаглавленной «Запрещение злоупотреблений правами».

7. В общем, независимые эксперты разработали, а Комитет одобрил следующие критерии, отличающиеся в зависимости от характера преступления, за которое данное лицо находится в заключении:

3.1. Чисто политические преступления

8. Преступления, которые влияют только на политическую организацию государства, в том числе «клевета» на органы власти или аналогичные преступления.

9. Не все преступники, находящиеся в заключении за такие правонарушения, являются «политическими заключенными». Вопрос состоит в том, может ли содержание под стражей считаться законным в рамках ЕКПЧ в интерпретации Европейского Суда по правам человека. Как правило, «политические высказывания», даже очень критичные по отношению к государству и местным властям, находятся под защитой статьи 10 – нет никакой «насуточной общественной необходимости» в «демократическом обществе», в соответствии со статьей 10, пресекать такие высказывания. Но



иногда политические высказывания выходят за рамки, установленные Конвенцией, например, когда они подстрекают к насилию, расизму и ксенофобии. Следует отметить, что каждый раз, когда Страсбургский суд признавал преследование за такие высказывания допустимым в соответствии с Конвенцией, наказания, налагаемые национальными судами, являлись в значительной степени символическими. Поскольку Конвенция должна толковаться последовательно, без противоречий, человек, понесший наказание в соответствии с пунктом 2 Статьи 10 Конвенции, не может считаться незаконно заключенным под стражу в соответствии со Статьей 5, и поэтому не может считаться политическим заключенным. Однако следует понимать, что наказание за политические высказывания, которые, в принципе, не защищены Статьей 10, может представлять собой нарушение Конвенции (и, следовательно, привести к тому, что заключенный будет считаться «политическим»), если наказание является несоразмерным, дискриминационным или является результатом несправедливого судебного разбирательства.

3.2. Другие политические преступления

10. Это преступления, когда преступник действует по политическим мотивам (а не из личной выгоды), и преступления наносят ущерб не только интересам государства, но и другим людям – например, террористические акты. Очевидно, что государство, под чьей юрисдикцией были совершены такие деяния, имеет не только право, но также позитивное обязательство осуществлять уголовное преследование за такие преступления. Следовательно, лица, отбывающие наказание за такие преступления или содержащиеся под стражей по подозрению в совершении таких преступлений, не являются политическими заключенными. Однако могут возникнуть исключения, аналогичные описанным выше, когда наказание



является несоразмерным, дискриминационным или является результатом несправедливого судебного разбирательства.

3.3. Неполитические преступления

11. Лица, лишённые свободы в связи с неполитическими преступлениями (т. е. любыми другими преступлениями, когда ни *actus reus*, ни *mens rea* не имеют политического оттенка), как правило, не являются политическими заключёнными. Опять же, и из этого правила существуют исключения. Лицо, осуждённое за неполитические преступления, может быть политическим заключённым, если при лишении лица свободы власти руководствовались политическими мотивами. Это может быть очевидным, если приговор абсолютно несоразмерен преступлению и/или если разбирательство было явно несправедливым.

3.4. Бремя доказывания

12. Распределение бремени доказывания особенно важно в этой области, где многое зависит от «политических» или других мотивов правонарушителя или властей. Независимые эксперты Совета Европы использовали следующий согласованный подход: те, кто утверждает, что конкретный человек является политическим заключённым, должны представить соответствующие материалы по делу. Эти материалы затем передаются соответствующему государству, которое, в свою очередь, имеет возможность представить доказательства, опровергающие эти утверждения. Как резюмировал Стефан Трехсель, «если государство-ответчик не может доказать, что лицо лишено свободы в полном соответствии с требованиями ЕКПЧ в интерпретации Европейского Суда по правам человека, настолько, насколько это касается существа дела, что были соблюдены требования пропорциональности и недискриминации, и что лишение свободы явилось



результатом справедливого судебного разбирательства, заинтересованное лицо считается политическим заключенным».

13. Лица, уполномоченные установить политический характер содержания под стражей, могут также применять, *mutatis mutandis*, прецедентное право Европейского Суда по фактическим выводам в случаях, когда государство-ответчик отказывается сотрудничать и предоставить документы или другую информацию, находящуюся в исключительном распоряжении властей.

15. Утверждение о том, что лицо является «политическим заключенным», должно подтверждаться доказательствами *prima facie*, а государство обязано доказать, что задержание было произведено в полном соответствии с требованиями ЕКПЧ в интерпретации Европейского Суда по правам человека, настолько, насколько это касается существа дела, что были соблюдены требования пропорциональности и недискриминации, и что лишение свободы явилось результатом справедливого судебного разбирательства.

16. Внимательный анализ критериев показывает, что лицо, признанное «политическим заключенным», не обязательно «невиновно». «Политический» аспект дела может заключаться, например, в избирательном применении закона, или в непропорционально суровом наказании по сравнению с лицами, осужденными за аналогичные преступления вне «политического» контекста, или, наконец, в несправедливом разбирательстве, которое может, тем не менее, привести к лишению свободы виновного лица. Признание заключенного «политическим», следовательно, не обязательно требует его немедленного освобождения – новое, справедливое судебное разбирательство вполне может быть наиболее подходящим средством. Однако, с учетом времени, которое многие из таких заключенных уже провели в заключении, их незамедлительное



освобождение, даже если они на самом деле «виновны» в инкриминируемых им преступлениях, часто является единственным средством, чтобы развеять подозрения, что строгое обращение с лицом обусловлено «политическими» причинами.

3.6. *Общая приемлемость критериев независимых экспертов*

17. Критерии, приведенные выше, были представлены всем заинтересованным сторонам. Как говорится в информационном документе Генерального Секретаря о результатах работы независимых экспертов, «эти критерии не встретили никаких существенных возражений». На своем 765-м заседании 21 сентября 2001 года, депутаты «приветствовали доклад независимых экспертов Генерального Секретаря по вопросу предполагаемых политических заключенных в Армении и Азербайджане, как указано в документе SG/Inf (2001) 34 и Дополнениях I и II [...]» и «приняли следующее заявление по этому вопросу: «Комитет Министров Совета Европы приветствует новость о том, что Президент Азербайджанской Республики издал 17 августа 2001 года указ о помиловании 89 политических заключенных [sic!], 66 из которых были освобождены, а для 23 срок заключения был сокращен».

18. Три года спустя, в конце второго срока полномочий независимых экспертов, в информационном документе Генерального Секретаря было снова указано, что «эти критерии были приняты властями Азербайджана и всеми органами Совета Европы». Последующие резолюции Парламентской Ассамблеи также основывались на общепринятых критериях, разработанных независимыми экспертами.

19. Во время моей нынешней работы докладчика, на уровне Комитета было предпринято несколько попыток повторно поднять вопрос об определении политических заключенных. Но я продолжаю придерживаться мнения, что все эти попытки «изобрести велосипед» лишь отвлекают нас от



важнейшей задачи – помочь Азербайджану решить, наконец, проблему политических заключенных, как подчеркивается в проекте моего доклада, озаглавленном «Последующие меры по вопросу политических заключенных в Азербайджане».

4. Выводы

20. Я глубоко убежден, что критерии независимых экспертов, которые уже применялись в сотнях случаев, будучи приняты всеми сторонами, оказались юридически обоснованными, справедливыми и эффективными. Они основаны на основных нормах ЕКПЧ и прецедентном праве Европейского Суда по правам человека. Они также не являются дискриминационными, в частности, они не касаются конкретной страны, хотя были разработаны и впервые применены в контексте описанного выше вступления в Совет Европы двух новых государств-членов. Совсем недавно они были применены Комитетом по правовым вопросам и правам человека в его Мнении о ситуации в Беларуси, принятом на частичной сессии в январе 2012 года.

21. Любое определение включает в себя элементы, которые требуют рассмотрения или оценки фактов, то есть, в некоторой степени субъективные элементы. Определения и критерии – лишь инструменты, используемые людьми. Если бы мы требовали дать «определение», которое можно было бы ввести в компьютер, автоматически генерирующий «объективные» результаты для каждого отдельного случая, наше понимание характера работы Ассамблеи было бы принципиально неправильным.

22. Было бы серьезной ошибкой со стороны Ассамблеи отказаться от существующего определения и вновь погрузиться в бесконечные теоретические дискуссии. Это, безусловно, стало бы шагом назад, который бы вызвал подозрения, хоть и необоснованные, в отношении реальных



причин таких дискуссий, которые потенциально бесконечны и, скорее всего, безрезультатны.

23. В этом контексте я хотел бы повторить, в частности, для наших испанских и турецких коллег, что, несомненно, террористы, независимо от того, принадлежат ли они к ЭТА, РПК или любой другой террористической организации, не подпадают под определение политических заключенных, даже если они утверждают, что совершили свои ужасные преступления по «политическим» мотивам. Тем не менее, лица, обвиненные в совершении террористических преступлений, которые были, по политическим мотивам – на этот раз со стороны властей – осуждены в результате несправедливого судебного разбирательства с использованием неприемлемых доказательств (таких как «признания», полученные под пытками, или показания свидетелей, данные под принуждением), вполне могут считаться «политическими заключенными», если имеются достаточные основания полагать, что такие нарушения действительно имели место.

24. Поэтому я призываю Комитет подтвердить существующее определение политических заключенных, предложенное в предварительном проекте резолюции» [3].

Предложение (поправка) группы депутатов, согласно которого полномочия определения политзаключенными конкретных лиц передавалось бы в компетенцию Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) принято не было.

Попытаемся рассмотреть как соотносится пояснение меморандума г-на Кристофа Штрассера с положениями уголовного процесса.

Так, согласно утверждениям докладчика, политическими заключенными могут быть признаны практически все лица, в том числе совершившие террористические акты (см. раздел 3.2 меморандума), если наказание их является несоразмерным, дискриминационным или результатом



несправедливого судебного разбирательства (см. также разделы 3.2 и 3.3 меморандума).

И это при том, что в п. 4 критериев говорится: «Лица, лишённые личной свободы за террористические преступления, не считаются политическими заключёнными в связи с привлечением к суду и осуждением за такие преступления согласно национальному законодательству и Европейской Конвенции по правам человека».

Как известно, наказание назначается судом в пределах санкций, предусмотренных уголовным законом. Ясно, что если санкция предусматривает максимальным наказанием 5 лет лишения свободы, а лицу назначено больше, то наказание может считаться несоразмерным закону.

Во всех остальных случаях считать наказание несоразмерным – это значит вмешиваться в правосудие. Прецедент здесь невозможен, поскольку общеизвестно, что не может существовать абсолютно одинаковых людей, их деяний, последствий и т.п., хотя бы из временных параметров бытия: все течет, все изменяется.

Это одна сторона вопроса несоразмерности, а другая заключается в том, что данное понятие предусматривает наличие стандартов соразмерности, каковыми партийная принадлежность, оппозиционная деятельность, несогласие с решениями и действиями партии и правительства и т.п. считаться не могут.

Закон четко оговаривает обстоятельства, отягчающие наказание (причем список их исчерпывающий) и обстоятельства, смягчающие наказание, перечень которых может быть расширен в зависимости от обстоятельств дела [4, с. 93-96].

Что касается проблем справедливого судебного разбирательства, то они относительно четко и полно очерчены в ст. 6 Европейской конвенции по правам человека [2, с. 9-10].



В случае признания Европейским судом нарушений ст. 6 Европейской конвенции, национальное законодательство (глава ЛШ УПК Азербайджанской Республики) предусматривает обязательные процедуры по пересмотру решений признанных несоответствующими международным обязательствам государства [5, с. 459-462].

При чем же тут политические заключенные?

Теперь о бремени доказывания, согласно которого государство обязано опровергать «... тех, кто утверждает, что конкретный человек является политическим заключенным и которые представили ему соответствующие документы по делу» (см. раздел 3.4 меморандума).

Как правило, утверждения о принадлежности лица к политзаключенным исходят от правозащитников, с нашей точки зрения, наделенных подобным правом Декларацией ООН «О праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» от 09.12.1998 г. [1].

Однако, в УПК статус правозащитников не предусмотрен, в связи с чем в законном порядке они вынуждены действовать через защитников или представителей, что в целом соответствует мировой практике в этой области.

Кроме того, правозащитники задействуют свои ресурсы (СМИ, обращения, пикеты, ходатайства к главам государств и правительств и т.п.), что, с нашей точки зрения, вписывается в требования раздела 3.4, хотя некоторые считают подобные действия неправомерным воздействием на правосудие.

По логике г-на К. Штрассера, документы, представляемые в уголовный процесс, должны иметь доказательственное значение и соответствовать требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом, к доказательствам.



Если это так, то органы, осуществляющие уголовный процесс, обязаны принять их от его участников, каковыми будут защитник или представитель потенциального политзаключенного, либо он сам. Однако, согласно национальному законодательству, право предоставления документов-доказательств ограничено определенными этапами уголовного судопроизводства.

Отбрасывая такую «мелочь» как требования национального законодательства, более подробно остановимся на этапе, когда «соответствующие документы по делу» переданы государству, а оно представило доказательства, опровергающие утверждения заявителей, причем обе стороны ни на йоту от своих позиций не отступают.

Согласны, что если государство не отвечает, то это ставит под сомнение объективность и законность решений, принятых его органами, однако когда дает ответ, и при этом нет соответствующего решения Европейского суда, образуется порочный круг, разорвать который может тот же Европейский суд.

Однако, как это указано выше, резолюция ПАСЕ подобное развитие ситуации исключает.

Действительно, почему сторонники резолюции ПАСЕ № 1900(2012) не пошли по логически правильному пути и не передали вопрос о признании лица политзаключенным на рассмотрение Европейского суда, а вольно или невольно включили его в заведомо неразрешимую ситуацию?

Разве было бы не верным и более быстро решаемым обращение заинтересованных лиц или организаций в Европейский суд по поводу одновременного признания факта нарушения Конвенции и признания лица политзаключенным, чем бесконечные посиделки, даже хорошо режиссированные? Тем более, что у Европейского суда есть право принимать



обращение в любое время, не дожидаясь завершающего решения национальных органов.

Представляется, что ситуации, когда можно говорить, писать, обращаться, пикетировать и т.п. до нужного момента и в нужных моментах, кого-то более устраивают, чем быстрое и, главное, правовое разрешение вопроса. И, представляется, что надо это для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, а не для разрешения действительных и мнимых проблем.

Библиография

1. Декларация ООН «О праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/defender.shtml
2. Европейская конвенция по правам человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf
3. Резолюция ПАСЕ № 1900(2012) «Определение политического заключенного». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://khpg.org/en/index.php?id=1349380385#_ftn10
4. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (с дополнениями и изменениями на 07.06.2018 г.). Баку, 2018.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (с дополнениями и изменениями на 07.06.2018 г.). Баку, 2018.